

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Кафедра уголовного права и криминологии

Специальность 40.05.02 Правоохранительная деятельность
(специализация Оперативно-розыскная деятельность,
профиль образовательной программы – Деятельность подразделений по контролю за оборотом наркотиков)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
по теме:
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСКОРБЛЕНИЯ
ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

Выполнила:
Слушатель группы П 2011
старший лейтенант
внутренней службы
Сотникова Екатерина Александровна

Руководитель:
начальник кафедры уголовного права
и криминологии
кандидат юридических наук, доцент
полковник полиции
Мальков Сергей Михайлович

Дата защиты:

«10» апреля 2026 г.

Оценка:

хорошо

Председатель ГЭК

Иванович ИИИИИ
(специальное звание)

(подпись)

(инициалы, фамилия)

Красноярск 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОКОРБЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ	8
1.1. Общественная опасность оскорбления представителя власти	8
1.2. Становление и развитие уголовно-правовой нормы об ответственности за оскорбление представителя власти	16
ГЛАВА 2. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОСКОРБЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ	24
2.1. Объект и потерпевший оскорбления представителя власти	24
2.2. Объективная сторона оскорбления представителя власти	34
2.3. Субъективные признаки оскорбления представителя власти	43
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	62

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы выпускной квалификационной работы

Развитие российского государства характеризуется множеством процессов, в результате которых происходят значительные преобразования во всех сферах жизни. В период кардинального изменения международного, политического, экономического, правового вектора развития Российской Федерации особое значение приобретает деятельность представителей правоохранительных органов. При этом социальная напряженность в обществе, повышенная конфликтность и незащищенность различных слоев населения в совокупности с правовыми, социально-политическими и экономическими противоречиями обуславливают рост преступности, что отражается на отношениях общества и государства в лице сотрудников правоохранительных органов.

Реализация фундаментального принципа уважения к власти и ее представителям позволяет обеспечивать правопорядок, стабильности государства и эффективного исполнения публичных функций. Вместе с тем, любое противодействие, в том числе и оскорбление представителя власти является не просто проявлением личной неприязни, а деянием, посягающим на охраняемые уголовным законом общественные отношения в сфере управления и правосудия. Оно подрывает авторитет государственной власти, создает атмосферу попустительства и безнаказанности, препятствует законной деятельности должностных лиц и, в конечном счете, ослабляет правовые основы общества.

Устанавливая уголовную ответственность за оскорбление представителя власти, законодатель закрепляет неприкосновенность общественных отношений, возникающих по поводу реализации ими управленческих полномочий, чести и достоинства. Адекватная реакция со стороны государства на преступные проявления в отношении сотрудников правоохранительных органов является гарантом обеспечения их прав и позволяет своевременно пресекать посягательства на порядок управления.

Отдавая должное теоретическому вкладу уголовного права и практическим рекомендациям, разработанные при изучении практики применения нормы об уголовной ответственности за оскорбление представителя власти, все же стоит указать на то, что недостаточно изучен ряд теоретических и практических проблем. Представляется, что высказанные ранее суждения по отдельным вопросам небесспорны и требуют дальнейшей разработки.

Возникает немало спорных вопросов, связанных с толкованием нормы закона, устанавливающей ответственность за оскорбление представителя власти, и ее применением, что требует углубленного научного осмысления. Дальнейшему уточнению подлежит и категориальный аппарат ст. 319 УК РФ, поскольку от степени определенности употребляемых законодателем терминов, а следовательно, и обозначенных ими понятий в значительной степени зависит эффективность борьбы с данным преступлением.

Кроме того, современный период, характеризующийся интенсивным развитием коммуникационных технологий и трансформацией публичного дискурса, проблема защиты чести и достоинства лиц, исполняющих властные полномочия, приобретает новые грани. Расширение пространства для высказываний, в том числе анонимных, в сети «Интернет», требует четкого определения границ дозволенной критики и недопустимого унижения. Противоречивая правоприменительная практика по делам данной категории свидетельствует о наличии дискуссионных вопросов в квалификации деяния, предусмотренного ст. 319 УК РФ.

Целью выпускной квалификационной работы является уголовно-правовой анализ состава преступления, устанавливающего ответственность за оскорбление представителя власти, выявление проблемных аспектов его квалификации и формулирование предложений по совершенствованию правоприменения.

Задачами выпускной квалификационной работы являются:

1. Анализ общественной опасности оскорбления представителя власти.
2. Рассмотрение становления и развития уголовно-правовой нормы об ответственности за оскорбление представителя власти.
3. Изучение объекта и потерпевшего оскорбления представителя власти.
4. Анализ объективной стороны оскорбления представителя власти.
5. Рассмотрение субъективных признаков оскорбления представителя власти.

Объектом выпускной квалификационной работы выступает совокупность общественных отношений, устанавливающих и реализующих уголовную ответственность за оскорбление представителя власти.

Предметом выпускной квалификационной работы выступают уголовно-правовая норма, тенденции ее развития и правоприменительная практика по делам о преступлениях, связанных с оскорблением представителя власти.

Степень научной разработанности проблемы

В становление и развитие системы уголовно-правового противодействия оскорблениям представителя власти внесли определенный вклад многие авторы. Вместе с тем, ранее проведенные исследования по данной теме носят фрагментарный характер и недостаточны для формулирования наиболее эффективной реализации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти. Проблематика рассматриваемой темы существует и требует дальнейшего исследования и решения.

Значение разработки для теории и практики деятельности органов внутренних дел и иных правоохранительных органов

Проведенное исследование позволило сформулировать выводы и рекомендации по эффективной реализации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти. Сформулированные в исследовании предложения могут быть использованы в практической деятельности следственных

подразделений органов внутренних дел, подразделений дознания и уголовного розыска. Кроме того, сформулированные рекомендации по квалификации преступления могут быть использованы в деятельности следственных органов Следственного Комитета Российской Федерации при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 319 УК РФ.

Теоретическую основу исследования составили основные положения отечественной доктрины, то есть труды ученых, занимающихся уголовно-правовыми и криминологическими вопросами борьбы с оскорблениями представителя власти. На уровне научных публикаций вопросы уголовно-правовой ответственности за оскорбление представителя власти рассматривались Брагиной А.Г., Давитадзе М.Д., Динеко В.И., Кургановой А.С., Кизилковым А.Ю., Лариным В.Ю., Марковой Н.А., Проценко С.В., Сафроновой А.Д., Спиридоновым О.Е., Сотниковой В.В., Сулаймановым М.Х., Ушаковым С.Н., Шиловым К.А., Эриашвили С.Н. и другими исследователями.

Нормативную основу исследования составили: Конституции Российской Федерации, нормативные правовые акты: федеральные законы, постановления Правительства Российской Федерации, постановления пленумов Верховного Суда СССР, РСФСР, Российской Федерации, ведомственных нормативно-правовых актах.

Эмпирическую основу исследования составила опубликованная судебная практика, действующие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обзоры судебной практики, материалы 5 (пяти) архивных уголовных дел. В ряде теоретических выводов автор опирался на результаты исследований, проведенных другими авторами.

Методологическую основу исследования составляет метод познания общественных процессов и правовых явлений. Методику исследования, наряду с общенаучными методами, так же составили методы: историко-правовой, системно-структурный, а также анализ документов (документационный метод). Эти методы позволили выявить различные недостатки в дей-

ствующем отечественном уголовном законодательстве и сформулировать предложения по их устранению.

Структура работы определена целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, объединяющих в себя пять параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОКОРБЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

1.1. Общественная опасность оскорбления представителя власти

Общественная опасность – основополагающий материальный признак преступления, показывающий его способность причинять вред общественным отношениям, защищаемым уголовным правом. Она имеет качественную (характер, зависящий от объекта посягательства) и количественную (степень, определяемую конкретными обстоятельствами дела) стороны.

В уголовно-правовой науке признано, что преступления против представителей власти посягают на нормальную служебную деятельность этих лиц, создают угрозу их безопасности как личности, влекут снижение общего уровня охраны правопорядка¹.

Статьей 319 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением².

Потерпевшим по статье 319 УК РФ может быть признан любой представитель власти. В нем относятся не только сотрудники правоохранительных органов, как принято считать. Так, Верховный суд отдельно отмечает, что для того, чтобы в деле был состав преступления, потерпевший должен быть либо сотрудником правоохранительных органов (прокуратура Российской Федерации, МВД России, Следственный комитет Российской Федерации и другие); сотрудник контролирующего органа, которые наделены в установленном законом порядке полномочиями по организации или осуществлению контроля в отношении подведомственных им объектов (например, на-

¹ Юматов С.В. Квалификация преступлений как основание формирования общих версий // Приволжский научный вестник. 2014. № 3-2 (31).

² Сотникова В.В., Тедеев Г.А. Оскорбление представителя власти: проблемы уголовной ответственности // Военное право. 2018. № 2(48). С. 207- 211.

логовый инспектор, инспектор Роспотребнадзора или Ростехнадзора и т.п.); должностное лицо, который наделен распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в его прямом подчинении¹.

К последним, например, относятся губернаторы, главы городских администраций и некоторые другие чиновники. Верховный Суд Российской Федерации еще в 2009 году отмечал, что они имеют право издавать указы, распоряжения и т.д., которые должны исполняться всеми жителями или организациями региона, города. При этом перечислить всех должностных лиц, которые подпадают под это определение сложно. В каждом конкретном случае и каждой конкретной ситуации нужно смотреть отдельно, есть ли у того или иного должностного лица распорядительные полномочия в отношении людей, которые не являются его подчиненными².

Общественная опасность указанного преступления состоит в том, что противоправными деяниями преступник нарушает законную деятельность органов власти, подрывает их авторитет, а также дискредитирует честь и достоинство представителя власти.

Данные статистики свидетельствуют о снижении осужденных по ст. 319 УК РФ. За период 2016–2021 гг. доля осужденных по ст. 319 УК РФ от общего числа осужденных по всем составам была относительно стабильной, колеблясь в диапазоне 1,2–1,65%³. Пиковое значение (1,65%) зафиксировано в 2020 году, минимальное (1,20%) – в 2021 году.

Внутри категории преступлений против порядка управления (раздел 10 УК РФ) значение данной статьи более существенно. На нее стабильно приходилось около 20–26% всех осужденных по разделу, достигнув максимума (25,87%) в 2020 году.

¹ Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / Под ред. А.И. Плотникова. Оренбург, 2016. С. 201.

² Филиппов П.А. О необходимости декриминализации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) // БГЖ. 2017. № 3 (20). С. 365-371.

³ Статистические данные МВД России. URL: <http://www.mvd.ru/stats> (дата обращения 08.12.2025).

После локального пика в 2020 году (8 741 осужденный) наблюдается выраженная позитивная динамика. Число осужденных последовательно сокращалось: до 6 786 человек в 2021 году, 4 621 – в 2022, 3 951 – в 2023 и 2 754 – в 2024 году¹. Таким образом, за четыре года количество осужденных уменьшилось более чем втрое.

Судебная практика по данной статье характеризуется крайне высоким показателем обвинительных приговоров. За 2020–2022 гг. был вынесен лишь один оправдательный приговор (2020) и прекращено одно уголовное дело по реабилитирующим основаниям (2021). Это позволяет сделать вывод о практически безальтернативном характере привлечения к ответственности по ст. 319 УК РФ при доведении дела до суда.

Значимость в структуре преступлений против власти. Несмотря на общее снижение абсолютных чисел, ст. 319 УК РФ остается одним из наиболее частых оснований для осуждения за преступления против порядка управления, традиционно занимая второе-третье место в структуре раздела.

Таблица 1.

Динамика осужденных по ст. 319 УК РФ (2016–2024 гг.)

Год	Число осужденных по ст. 319 УК РФ (абс.)	Доля от всех осужденных за преступления против порядка управления (%)
2016	10 074	23,06
2017	10 337	21,90
2018	10 154	22,28
2019	9 189	23,20
2020	8 741	25,87
2021	6 786	20,46
2022	4 621	19,56
2023	3 951	18,21
2024	2 754	17,98

¹ Статистические данные МВД России. URL: <http://www.mvd.ru/stats> (дата обращения 08.12.2025).

Представленные данные свидетельствуют о значимой и устойчивой судебной практике по ст. 319 УК РФ в системе преступлений против государственной власти. Хотя в абсолютных цифрах с 2020 года фиксируется резкое и последовательное сокращение числа осужденных, статья сохраняет весомый удельный вес в соответствующем разделе УК РФ. Крайне низкое количество оправдательных решений указывает на формализованный и репрессивный уклон в применении данной нормы, что требует отдельного процессуального и криминологического анализа.

Так, мужчина, находясь в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте, в ответ на законные требования представителя власти прекратить распитие спиртных напитков и соблюдать общественный порядок, публично оскорбил сотрудника полиции. Суд признал мужчину виновным по ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти» и назначил наказание в виде уголовного штрафа в размере 20 тысяч рублей¹.

Значительное число приговоров по статье 319 УК РФ относятся к ситуациям, когда представитель власти был оскорблен офлайн. Но были случаи привлечения к ответственности и за оскорбления в интернете.

Одно из самых громких дел об оскорблении представителя власти в интернете – дело журналиста из Ростова-на-Дону Сергея Резника. В 2015 году он был осужден по статье об оскорблении представителя власти за материал, опубликованный в блоге на площадке «Живой журнал». Суд признал оскорбительными слова «тракторист», «бес» и «прохвост». Потерпевшие по делу – бывший заместитель прокурора Ростовской области, оперуполномоченный и сотрудник отдела по борьбе с экстремизмом регионального ГУ МВД России.

Кроме того, обвинительный приговор за пост в соцсети был вынесен в 2022 году в Пермском крае. Тогда местный житель был осужден за то, что опубликовал во «Вконтакте» фотографию инспектора ДПС, который поймал

¹ Судебные приставы взыскали уголовный штраф за оскорбление представителя власти. – URL: <https://r63.fssp.gov.ru> (дата обращения 20.02.2026).

его за пьяным вождением. Снимок осужденный подписал «непристойными и нецензурными» выражениями.

В научном сообществе превалирует позиция, что состав преступления по ст. 319 УК РФ защищает не личные, а публичные интересы, поскольку оскорбление наносится представителю государства в связи с исполнением им служебных обязанностей. Это и служит основой для признания высокой степени общественной опасности.

Категория дел о публичном оскорблении власти часто основывается на конфликтах между гражданами и представителями правопорядка в бытовой или уличной обстановке.

В первом случае речь идет о ситуациях реагирования на сообщения граждан. Сотрудники МВД России, прибывая на место происшествия (например, по факту драки или шума), законно приступают к выполнению своих функций. Именно в этот момент одна из сторон конфликта, недовольная вмешательством, начинает выкрикивать в адрес полицейских оскорбления, унижая их перед соседями или другими участниками событий.

Во втором случае противоправные действия происходят в общественных местах. Сотрудник полиции, замечая нарушение (например, переход дороги в неположенном месте или распитие алкоголя), делает законное замечание. В ответ правонарушитель, желая продемонстрировать пренебрежение или спровоцировать скандал, высказывает оскорбления в грубой форме, при этом его слова становятся достоянием общественности (слышны прохожим, пассажирам и т.д.).

Приведем примеры из практики.

Калачинским судом Омской области было рассмотрено уголовное дело в отношении ФИО1. Суд установил, что вечером 23 мая 2024 года ФИО1, находясь в состоянии алкогольного опьянения на автомобильной стоянке в городе Калачинске, вступил в конфликт с сотрудником полиции – участковым уполномоченным Потерпевший №1. Полицейский находился при исполнении служебных обязанностей, был в форменном обмундировании и прибыл

на место для проверки сообщения о противоправных действиях ФИО1. В ответ на законные требования сотрудника полиции проследовать в служебный автомобиль ФИО1, демонстрируя недовольство, публично, в присутствии посторонних граждан, высказал в адрес полицейского грубые нецензурные оскорбления, унижающие его честь и достоинство как представителя власти¹.

Публичное оскорбление представителя власти может быть совершено как в ходе личного конфликта, так и посредством информационно-телекоммуникационной сети.

В первом случае (на примере приговора Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга) фигурант дела, возмущенный проверкой его земельного участка сотрудниками контролирующих органов, применил к ним физическое и вербальное насилие: облил бензином и высказывал оскорбления. Вина была установлена на основе показаний свидетелей и записи с камер.

Во втором случае, иллюстрируемом приговором Кемеровского областного суда, оскорбление было нанесено дистанционно. Осужденный, будучи недовольным работой следователя полиции, использовал свой канал в интернете с многотысячной аудиторией. Разместив унижительные видеоматериалы о сотруднике Ф., он обеспечил им широкий общественный резонанс (более 45 тысяч просмотров), что и послужило основанием для привлечения к ответственности по ст. 319 УК РФ. Оба приговора прошли проверку в апелляционных инстанциях и были оставлены в силе².

Основание для оправдания по ст. 319 УК: отсутствие конкретного адресата. Суды приходят к выводу, что нецензурная брань в присутствии сотрудников полиции не является публичным оскорблением представителя власти, если она обращена ко всем окружающим без разбора.

Пример из практики.

¹ Приговор от 13 августа 2025 г. по делу № 1-82/2025. Калачинский городской суд (Омская область). – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 20.02.2026).

² Апелляционное определение Пятого АСОЮ от 02.03.2022 по делу № 55-88/2022. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 20.02.2026).

Гражданин К., будучи в нетрезвом состоянии, после доставления в отдел полиции, нанес телесные повреждения сотруднику и выражался нецензурно. Первоначально ему вменили как насилие (ст. 318 УК), так и оскорбление (ст. 319 УК). Однако в суде версия об оскорблении именно полицейских рассыпалась. Ключевую роль сыграли свидетели – медицинские работники, которые подтвердили, что подсудимый ругался на всех, кто был в помещении: и на стражей порядка, и на них самих, и угрожал им увольнением. Суд счел, что умысла на унижение чести и достоинства конкретного представителя власти не было, так как оскорбления носили общий характер. В итоге по ст. 319 УК К. был оправдан (дело Радужнинского городского суда)¹. Однако в этом вопросе Пленум ВС РФ поставил точку: публичное оскорбление представителя власти, совершенное во время или после применения в отношении него насилия или угрозы применения насилия, квалифицируется по ст. 318 УК РФ и ст. 319 УК РФ.

Следует отметить, что общественная опасность оскорбления представителя власти заключается в нарушении нормальной деятельности органов власти и их авторитета, а также ущемлении чести и достоинства представителей власти, поэтому нормальная деятельность органов власти является основным объектом преступления, а честь и достоинство этих лиц – дополнительным объектом.

Считаем, что при совершении оскорбления представителя власти происходит разрушение сложившихся стереотипов и интересов в обществе, находящихся под охраной уголовного закона. Преступная деятельность наглядно демонстрирует негативную направленность виновного лица, его пренебрежение к охраняемым общественным отношениям, возникающим по поводу обеспечения и охраны порядка управления. Все это в итоге приводит к игнорированию деятельности представителей государственной власти и разрушению социально-

¹ Кассационное определение Седьмого КСЮЮ от 22.07.2022 по делу № 7У-6361/2022. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 20.02.2026).

полезных связей – гаранта управленческой деятельности представителя власти и реализации своих профессиональных обязанностей в обществе.

Общественная опасность оскорбления представителя власти находит свое выражение в самом деянии, способе его совершения, времени, месте и других признаках объективной стороны. Именно внешние признаки ложатся в основу состава преступления, закрепляются в законе, устанавливающего уголовную ответственность за оскорбление представителя власти гражданами. Нереагирование уголовно-правовыми нормами на действия, связанные с оскорблением представителя власти, порождает серьезные последствия. Устанавливая в нормах права определенные правила поведения или запрещая некоторые виды деяний, общество закрепляет и развивает выгодные и удобные ему общественные отношения, защищает свои интересы, учитывая то, что это служебная роль всякого права, в том числе и уголовного, охраняющего от преступных посягательств существующие в обществе отношения посредством применения к виновным уголовного наказания¹.

Таким образом, общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, определяется его двойственной природой: с одной стороны, страдают личные нематериальные блага (честь и достоинство) конкретного должностного лица, с другой – нарушается нормальное функционирование органов публичной власти, дискредитируется государство в лице его представителя. Именно это обстоятельство обуславливает отнесение данного состава к преступлениям против порядка управления.

¹ Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 43.

1.2. Становление и развитие уголовно-правовой нормы об ответственности за оскорбление представителя власти

Возникновение государства закономерно повлекло за собой потребность в осуществлении функций управления, которые были делегированы специальным представителям власти. Осознавая значимость их деятельности, государство на всех этапах своего развития обеспечивало им защиту от противоправных посягательств, включая посягательства на честь и достоинство.

В исторических нормативно-правовых актах можно проследить тенденцию становления и формирования норм, регулирующих данный вид общественных отношений. «Для того, чтобы выявить определенные устойчивые характеристики какого-либо процесса, – считает А.М. Яковлев, – необходимо, во-первых, наличие достаточного количества отдельных актов, из которых складывается данный процесс, и, во-вторых, он должен быть рассмотрен за достаточно длительный период»¹.

Как верно отмечают Т.К. Агузаров и А.И. Чучаев, сама необходимость такой защиты «предопределена уже самим существованием государства, получающим наиболее яркое выражение во власти»². Для выявления общих закономерностей, тенденций преемственности и оценки современного состояния законодательства, охраняющего представителей власти, необходим его историко-правовой анализ.

«Исходя из периодизации истории отечественного государства, в процессе установления уголовной ответственности за оскорбление представителя власти можно выделить следующие ее этапы:

1) период древнерусской государственности (середина IX века – середина XV века);

¹ Кудрявцев В.Н., Яковлев А.М. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982. С.7.

² Агузаров Т.К., Чучаев А.И. Охрана власти по Русской Правде, уставам и уставным грамотам // LEX RUSSICA. № 6. 2009. С. 1298.

- 2) период централизации государства (конец XV века – XVII век);
- 3) имперский период (начало XVIII века – 1917 г.);
- 4) советский период (1917–1991 гг.);
- 5) современный период (1991 г. – наши дни)»¹.

Отправной точкой такого анализа в отечественной традиции служит Русская Правда. В научной сфере нет консенсуса относительно того, содержал ли этот памятник права нормы о преступлениях против государственной власти и порядка управления. Ряд исследователей признаёт их наличие, тогда как другие подчёркивают, что Русская Правда «не знала понятия государственного преступления» и предусматривала ответственность лишь за деяния против личности и имущества². Подобный подход объясняется характерной для того периода неразвитостью государственных институтов и пониманием преступления как «обиды», то есть вреда, причиняемого конкретному лицу, а не обществу или государству в целом.

Тем не менее, в Русской Правде можно усмотреть зачатки специальной уголовно-правовой охраны представителей власти. Например, убийство княжеских служащих (огнищанина, тиуна, княжего мужа), выполнявших функции, аналогичные современным сотрудникам правоохранительных органов, наказывалось двойным штрафом (80 гривен). Это свидетельствует о том, что уже в тот исторический период за посягательства на представителей власти устанавливалась повышенная уголовная ответственность.

Тем не менее, ни одна из известных редакций Русской Правды не содержала специальных норм, охраняющих честь и достоинство княжеских служащих. При этом действовали общие положения, устанавливавшие ответственность за оскорбление, которые распространялись и на представителей власти. Например, ст. 3, 4 Краткой и ст. 23–25 Пространной редакций предусматривали наказание за удары палкой, жердью, чашей, рогом или мечом

¹ История государства и права России / под ред. Ю.П. Титова. М., 2003. С. 20.

² Лоба В.Е., Малахов С.Н. Уголовное право Древней Руси XI–XII вв. (по данным Русской Правды): монография. Армавир, 2011. С. 148–149.

(плашмя или в ножнах), которые не причиняли телесных повреждений, а носили сугубо оскорбительный характер. Аналогично, ст. 8 Краткой и ст. 67 Пространной редакций карали за вырывание усов или бороды¹. Как показывают эти нормы, оскорбление выражалось исключительно в форме действия, причём, по справедливому замечанию комментаторов, в феодальном обществе подобные посягательства считались особенно позорными.

Отсутствие в Русской Правде отдельных составов за оскорбление словом, а также повышенной ответственности за оскорбление представителя власти может объясняться двумя причинами. Во-первых, гипотетически такие деяния могли не совершаться, что делало их криминализацию излишней, однако наличие общих норм против оскорбления действием делает это маловероятным. Во-вторых, учитывая фрагментарную сохранность древнерусского законодательства, нельзя исключать, что специальные нормы существовали, но до наших дней не дошли².

Таким образом, основываясь на доступных редакциях Русской Правды, можно констатировать, что отдельной уголовной ответственности за оскорбление представителей власти в ней установлено не было – такие действия попадали под общие правила. При этом наказуемым признавалось только оскорбление действием. Однако анализ других положений позволяет утверждать, что Русская Правда заложила основы особой охраны личности представителей власти, прежде всего через повышенную ответственность за посягательства на их жизнь.

«Судебник 1550 года устанавливал ответственность за оскорбление («бесчестье») государственных служащих – детей боярских, дьяков, тиунов и других лиц, совмещавших административные, полицейские и судебные обя-

¹ История государства и права России / под ред. Ю.П. Титова. М., 2003. С. 28.

² История отечественного государства и права. Часть 1/ под ред. О.И. Чистякова. М., 2004. С. 45.

занности»¹. Поскольку четкого разделения этих функций не существовало, закон не дифференцировал и нормы об их защите. Примечательно, что данная статья впервые распространила охрану и на жен должностных лиц, предписывая за их оскорбление удвоенное наказание. Размер штрафа зависел от статуса потерпевшего.

Судебник 1589 года развил эти положения, сохранив дифференцированные штрафы за бесчестье широкого круга чинов и их жен. Новеллой стало появление специальных норм, защищающих лиц с преимущественно правоохранительными функциями (сотских, десятских, стрельцов, казаков), а также впервые выделивших отдельно судебных представителей (судью, целовальника)². Таким образом, в Судебнике 1589 года прослеживается попытка классифицировать ответственность в зависимости от сферы деятельности представителя власти: административной, правоохранительной или судебной.

Следующим этапом в развитии законодательства стало Соборное уложение 1649 года, продолжившее формирование системы уголовно-правовой защиты представителей власти³. Нормы об ответственности за «бесчестие» (оскорбление) в нём были разрозненны: в одних случаях прямо запрещалось оскорбление «непригожим словом» (ст. 90 гл. X), в других – форма деяния не конкретизировалась⁴. Принципиально новым был классовый подход: тяжесть наказания могла зависеть не только от должности потерпевшего, но и от социального статуса самого обидчика (ст. 90–92 гл. X).

Наиболее общей нормой, защищавшей служилых людей, была ст. 93 главы X. Она устанавливала взыскание «бесчестья» с любого, кто оскорбит

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. Том 2, Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А.Д. Горский. М., 1985. С. 181–182.

² Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2000. С. 89.

³ Агузаров Т. К. Охрана власти по Соборному Уложению 1649 г. // Вектор науки Тольяттинского Государственного Университета. Специальный выпуск «Правоведение». 2009. № 5 (8). С. 12.

⁴ Отечественное законодательство XI–XX вв.: Пособие для семинаров. Часть I (XI–XIX вв.) / под ред. проф. О.И. Чистякова. М., 2004. С. 145.

представителей широкого круга чинов – от стольников и дворян до подьячих, получавших государево жалованье.

В отличие от Судебника 1589 года, Уложение 1649 года дифференцировало охрану не по административным функциям, а по виду власти: отдельно защищалась высшая (государь), церковная (духовенство) и светская (остальные чины) власть. Существенно расширились и виды наказаний – помимо штрафов стали применяться телесные наказания и тюремное заключение¹.

Знаковым стало и расширение понятия «бесчестие». Оно перестало сводиться лишь к личному оскорблению, включив в себя клевету. Например, ст. 12 главы VII карала за «бесчестие» бояр и воевод путём подачи на них ложных челобитных государю, что означало покушение на их служебную репутацию и авторитет власти².

Значительное развитие норм, защищающих честь и достоинство представителей власти, произошло в петровскую эпоху. Пётр I, в отличие от прежних правителей, целенаправленно развивал законодательство, приводя его в соответствие с усложняющимися государственными функциями. Эта работа затронула и уголовно-правовую охрану лиц, облечённых властными полномочиями.

В Артикуле воинском 1715 года целый ряд статей был посвящён защите государственных служащих. Показателен артикул 22 главы 3, устанавливавший ответственность за словесное оскорбление фельдмаршала или генерала. Упоминание в нём «компаний и собраний прочих» впервые закрепило признак публичности деяния как отягчающее обстоятельство³.

Глава 18 целиком посвящена оскорблениям. Так, артикул 151 предусматривал наказание за оскорбление словом офицера офицером, прямо указывая цель – «обругать и уничтожить» честное имя, что подчёркивало на-

¹ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное Уложение 1649 года. М., 1961. С. 84.

² Памятники русского права. Выпуск первый /под ред. проф. С.В. Юшкова. М., 1952. С. 81.

³ Российское законодательство X–XX веков: Законодательство период становления абсолютизма: в 9-ти томах. Т. 4 / отв.ред. А.Г. Маньков; под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1986. С. 332.

правленность деяния именно на унижение чести. Множество казуистичных норм об оскорблении в этом законе, характерном для всего петровского законодательства, не позволяют выявить чётких критериев дифференциации ответственности¹.

Особый интерес представляет артикул 204. Он запрещал под страхом смерти возбранять, противиться или нападать на генерал-вальдигера, профосов, палача и иных судебных служителей при исполнении ими своих обязанностей. В данной норме впервые в отечественном праве оскорбление («возбранять») трактуется шире – как способ противодействия законной власти, что означало расширение понятия и перенос акцента с защиты личной чести на защиту самого принципа управления и исполнения служебных полномочий.

Эволюция норм об охране авторитета власти в дореволюционной России носила противоречивый характер. С одной стороны, при Екатерине II в процессе работы над Наказом 1767 года прослеживалась либеральная идея о том, что критика распоряжений монарха не должна приравниваться к государственной измене. Однако на практике эта идея была смягчена: окончательная редакция Наказа, хотя и предусматривала менее строгое наказание, все же признавала порицание государя преступлением².

С другой стороны, Уложение 1845 года знаменовало собой усиление охранительного подхода. Выделение специальной главы, детально регулирующей ответственность за оскорбление и неуважение к чиновникам и учреждениям, по оценке историка права С.С. Киселева, указывает на существенный рост уровня уголовно-правовой защиты государственных служащих³.

¹ Ларин В.Ю. Историческое развитие уголовно-правовых норм об ответственности за оскорбление представителя власти (XI середина XVIII вв.) // СПб., 2016. № 3. С. 45-48.

² Омельченко, Д. В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления представителя власти: историко-правовой и сравнительно-правовой аспекты // Молодой ученый. 2018. № 19 (205). С. 305-312

³ Киселев С.С. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. Омск, 2013. С. 11.

«Впервые самостоятельный состав преступления «оскорбление представителя власти» был закреплён в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года. Согласно его статье 88, уголовной ответственности подлежало именно публичное оскорбление, нанесенное во время исполнения представителем власти своих обязанностей; санкция была достаточно суровой – лишение свободы сроком не менее шести месяцев»¹. Таким образом, данная норма ввела два ключевых признака этого деяния: публичность и связь с исполнением служебных обязанностей. Жесткость наказания объясняется историческим контекстом – необходимостью укрепления авторитета новых государственных институтов после Гражданской войны. Эта норма без изменений перешла в УК РСФСР 1926 года.

Значительные изменения произошли с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1960 года, где оскорблению представителя власти была посвящена статья 192. Её главным нововведением стала дифференциация ответственности в зависимости от статуса потерпевшего. «Так, оскорбление любого представителя власти каралось исправительными работами или штрафом. Однако за оскорбление работника милиции или народного дружинника (ст. 192.2), а также военнослужащего или сотрудника органов внутренних дел (ст. 192.3) дополнительно могло быть назначено лишение свободы на срок до 6 месяцев и 1 года соответственно»².

В современном уголовном праве России состав оскорбления представителя власти предусмотрен единственной статьей 319 УК РФ. Как и в исторической ретроспективе, ключевым признаком деяния остается публичность. В отличие от законодательства начала XX века, данная норма не содержит квалифицированных (особо опасных) составов. Кроме того, круг потерпевших в ней не дифференцирован: под защитой находятся все лица, обладаю-

¹ Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2000. С. 134.

² Омельченко Д.В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления представителя власти: историко-правовой и сравнительно-правовой аспекты // Молодой ученый. 2018. № 19 (205). С. 305-312.

щие статусом представителя власти, без выделения специальных категорий. Наказание по статье также отражает общую тенденцию гуманизации санкций и предусматривает альтернативные, не связанные с лишением свободы меры: штраф, обязательные или исправительные работы.

Таким образом, проведенный историко-правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что уголовно-правовая охрана представителей власти от посягательств на их честь и достоинство прошла длительную и сложную эволюцию, отражающую общие тенденции развития государства и права России.

Современная конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, является результатом многовекового развития, вобрав в себя ключевые исторически сложившиеся признаки (публичность) и отразив тенденцию к унификации и гуманизации уголовной ответственности за данный вид посягательств.

ГЛАВА 2. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОСКОРБЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

2.1. Объект и потерпевший оскорбления представителя власти

Любое преступление проявляется вовне через конкретное воздействие на окружающую действительность. Как уголовно наказуемые рассматриваются лишь те деяния, которые, будучи выражены во внешнем мире, причиняют вред охраняемым общественным отношениям или создают реальную угрозу его причинения. Именно поэтому объективная сторона, отражающая внешние признаки преступного акта, является обязательным элементом состава преступления.

В уголовно-правовой доктрине понятие «объект преступления» является двухаспектным: оно выступает одновременно элементом состава преступления и признаком преступного деяния¹. В качестве элемента состава объект преступления (то, чему причиняется вред) является обязательным, а предмет преступления и потерпевший – факультативными.

Объект преступления определяется как то, на что направлено посягательство и чему причиняется вред или создается угроза его причинения. В науке принята четырехуровневая классификация объектов по степени обобщенности: общий, родовой, видовой и непосредственный. Родовой объект представляет собой группу однородных общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Именно по этому критерию все преступления систематизированы в Уголовном кодексе РФ, что отражено в названиях его разделов.

¹ Хун А.З. Объект уголовно-правовых отношений: теоретический и правоприменительный аспекты: дисс. канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 29.

Поскольку состав преступления, предусмотренный статьей 319 УК РФ, расположен в Разделе X «Преступления против государственной власти», его родовым объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование и охрану государственной власти.

В рамках родового объекта выделяется более конкретный видовой объект, представляющий собой однородную группу общественных отношений. Именно он служит основанием для деления уголовного закона на главы, объединяя преступления одного вида под охраной соответствующей группы норм.

Статья 319 УК РФ расположена в Главе 32 «Преступления против порядка управления», что указывает на её видовой объект – общественные отношения, обеспечивающие охрану порядка управления. Данная формулировка носит обобщенный характер, и в научной среде ведутся дискуссии о её более точном содержании. Точки зрения исследователей расходятся. Одни ученые определяют видовой объект как отношения между представителем власти (управляющим субъектом) и гражданами (управляемыми субъектами)¹. Другие рассматривают его как нормальную деятельность органов государственной власти и местного самоуправления². Третьи предлагают наиболее широкую трактовку – порядок государственного управления в целом³.

В иерархии объектов преступления непосредственный объект занимает низшую, наиболее конкретную ступень. Он индивидуализирует состав, показывая, какое именно охраняемое благо страдает от деяния. Для анализа преступления по ст. 319 УК РФ ключевое значение имеет его внутреннее деление – основной непосредственный объект: охраняемые законом интересы власти (ее деятельность и авторитет), дополнительный непосредственный

¹ Проценко С.В. О субъективной стороне и субъекте преступления как элементах состава преступления // Российский следователь. 2016. № 14. С. 18-23.

² Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 60.

³ Сафронов А.Д. Защита сотрудников органов внутренних дел при выполнении ими должностных обязанностей по УК РФ // Государство и право. 2017. № 2. С. 31.

объект: личные неимущественные блага (честь, достоинство) представителя власти.

Изучая теории различных ученых, отметим, что в настоящее время существуют кардинально различные мнения относительно того, требуется или не требуется учитывать при квалификации преступлений родовой и видовой объект.

Согласно мнению некоторых ученых, для того чтобы правильно квалифицировать преступление по объекту, в первую очередь необходимо выяснить родовой (видовой) объект, а затем – непосредственный объект преступления¹.

Этим несоответствием вызвана критика в научной среде. Во-первых, ставится под сомнение целесообразность раздельного расположения взаимосвязанных определений в разных главах закона. Во-вторых, обращает на себя внимание противоречие: определение представителя власти из ст. 318 УК РФ имеет общее значение для всего Кодекса, в то время как определение должностного лица из ст. 285 УК РФ, по букве закона, применимо лишь к нормам о преступлениях против государственной власти (Глава 30 УК РФ).

«Оппозиционеры данной точки зрения считают, что при квалификации преступлений не должны учитываться видовой и родовые объекты, относительно иного мнения придерживаются Ф. Р. Сундуrow и И. А. Тарханов, которые не видят необходимости в том, чтобы при квалификации преступления и определении родового и видового объекта опираться на заголовки глав и разделов УК РФ»².

Ключевая фигура в составе – потерпевший (представитель власти). Законодательное определение этого субъекта, данное в примечании к ст. 318 УК РФ, охватывает как сотрудников силовых и надзорных ведомств, так и

¹ Колосовский В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний: учебное пособие. М., 2016. С. 46

² Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф.Р. Сундуrow, И.А. Тарханова. М., 2016. С. 411-412.

иных должностных лиц, обладающих властными полномочиями в отношении граждан, не являющихся их подчиненными.

В соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 июня 2023 года №14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» по ст. 319 УК РФ наступает ответственность за публичное оскорбление, если такие действия совершаются в отношении представителя власти, то есть должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, а также иного должностного лица, наделенного в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, либо совершаются в отношении близких.

Законодательная техника УК РФ в определении ключевых понятий порождает серьезную коллизию. Образуется логически порочный круг: представитель власти определяется как должностное лицо, а должностное лицо, в свою очередь, – как представитель власти. Эта тавтология делает суть обоих понятий неясной, что противоречит базовым принципам юридической дефиниции.

Однако подобное соотношение косвенно иллюстрирует известный тезис А.Н. Трайнина понятие «должностное лицо» шире, и представитель власти является его видовой разновидностью («всякий представитель власти является должностным лицом, но не всякое должностное лицо – представитель власти»)¹.

Анализ научных подходов к определению «представителя власти» позволяет выявить ряд дискуссионных моментов и терминологических неточностей. Так, В.И. Динека изначально определял представителя власти как должностное лицо, принятое в орган власти или управления для «регулиру-

¹ Трайнин А.Н. Уголовное право. Часть Особенная. М., 1927. С. 209.

вания правоотношений во внешней среде функционирования»¹. Данная дефиниция не раскрывает сущности функций субъекта, а её ключевая цель сформулирована чрезмерно широко и неконкретно.

Впоследствии Динека изменил свою позицию, выделив представителя власти в отдельную от должностных лиц категорию. По его мнению, представитель власти является участником государственно-властных отношений, тогда как должностное лицо – участником государственно-служебных. Однако данное разграничение представляется искусственным и неубедительным, тем более что автор необоснованно ограничивает полномочия представителя власти лишь административной властью и правом на принуждение. Также вызывает вопросы исключение из этой категории субъектов законодательной и судебной власти, что делает классификацию неполной.

«Более структурированный подход предложил А.В. Бриллиантов, выделив четыре обязательных признака представителя власти:

- Наличие распорядительных полномочий для принятия юридически значимых решений.
- Распространение этих решений на лиц, не находящихся в служебной зависимости от него.
- Обязательный характер требований и решений.
- Возможность наступления негативных последствий за их неисполнение»².

Критический анализ показывает, что в современной правовой системе единственным отличительным признаком, действительно выделяющим представителя власти среди иных должностных лиц, является только второй признак (полномочия в отношении лиц, не находящихся в подчинении). Остальные три признака в равной степени характерны и для других категорий

¹ Динека В.И. Современное правовое положение представителя власти (общий правовой аспект). М., 1995. С. 15.

² Бриллиантов А.В. К вопросу о понятии должностного лица // Российский следователь. 2001. № 6. С. 29-30.

должностных лиц, что указывает на недостаточную разработанность критериев для их четкого разграничения.

Критический анализ признаков представителя власти выявляет значительные расхождения в научных подходах. Так, О.Е. Спиридонова в качестве определяющих называет три критерия: доверие населения, обязанность подчиняться его воле и авторитет власти. Однако первые и последний из них носят субъективный и юридически неопределенный характер¹. Признак же обязанности подчинения присущ любому управляемому объекту в правоотношении, что не позволяет рассматривать его как уникальную черту именно представителя власти.

Более обоснованной представляется позиция, выделяющая в качестве ключевого право на легитимное принуждение. В.А. Волколупова видит сущностный признак в наличии у лица права принудительного воздействия на неподчиненных ему лиц при неисполнении законных требований. Исходя из этого, автор, например, обоснованно ставит под сомнение отнесение к представителям власти контролеров-ревизоров общественного транспорта². Аналогичной точки зрения придерживается М.Е. Жаглина, для которой обязательным атрибутом статуса является право применять меры государственного принуждения³. Этот объективный критерий позволяет более четко отграничить представителя власти от иных должностных лиц.

Как следует из примечания к ст. 318 УК РФ, законодатель относит к представителям власти две группы должностных лиц:

- работающих в правоохранительных или контролирующих органах;
- обладающих распорядительными функциями вне зависимости от служебного подчинения адресатов.

¹ Спиридонова О. Е. Форменная одежда как символ власти в уголовном праве // Дифференциация ответственности и проблемы юридической техники в уголовном праве и процессе. Ярославль, 2002. С. 57.

² Волколупова В. А. Должностное лицо как субъект уголовной ответственности // Уголовное законодательство: история и современные проблемы. Волгоград, 1998. С. 92.

³ Жаглина М. Е. Понятие «представитель власти» в уголовном праве: история и современность // Следователь. 1998. № 5. С. 6.

Однако при всей кажущейся ясности данная классификация содержит в себе уязвимость. Она заключается в использовании терминов «правоохранительный» и «контролирующий», которые не имеют официального толкования. Отсутствие законодательно закрепленных понятий и единообразной научной позиции приводит к тому, что на практике круг таких органов определяется расширительно или, наоборот, ограничительно, что может влиять на обоснованность привлечения к ответственности по ст. 319 УК РФ.

В соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 06 октября 2009 года №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» к исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности.

В российской юридической науке отсутствует единое понимание как системы, так и самого понятия «правоохранительные органы». Преобладающий подход определяет их через родственную деятельность. Например, С.Л. Лонь определяет правоохранительную деятельность как санкционированную государством деятельность по применению законных мер принуждения для охраны прав и обеспечения исполнения обязанностей¹. Соответственно, правоохранительные органы – это специальные субъекты, осуществляющие такую деятельность в силу закона.

¹ Лонь С.Л. Правоохранительные органы: учебник. Томск, 2011. С. 19.

Традиционно к правоохранительным органам относят суд, прокуратуру, органы предварительного расследования (МВД России, ФСБ России и др.), органы юстиции.

При этом статус нотариата и адвокатуры остается дискуссионным.

Нотариат непосредственно не осуществляет правоохранительную деятельность, но обеспечивает защиту прав, что позволяет ряду ученых включать его в эту систему.

Адвокатура вызывает наибольшие споры. С одной стороны, она обеспечивает гарантированную государством юридическую помощь, что может рассматриваться как делегированная правоохранительная функция. С другой – она является институтом гражданского общества, не входящим в систему госвласти, а адвокаты не обладают властными полномочиями, что подтверждается судебной практикой.

Для преодоления тупика в определении некоторые ученые предлагают классифицировать органы не по названию, а по видам осуществляемой правоохранительной деятельности, к которым относят: конституционный контроль; правосудие; прокурорский надзор; расследование преступлений; оказание квалифицированной юридической помощи; обеспечение безопасности¹.

Проблема правоприменения возникает из-за отсутствия четкого законодательного определения. Термин используется бессистемно: ключевые органы (полиция, ФСБ, прокуратура) в своих законах прямо не названы правоохранительными, тогда как статус спорных структур иногда, наоборот, прямо указывается. Ситуация усугубилась после исключения в 2016 году «правоохранительной службы» как отдельного вида госслужбы.

Аналогичная неопределенность сложилась с контролирующими органами. Их основной признак – выполнение контрольных функций, содержание которых раскрыто в Указе Президента Российской Федерации (контроль

¹ Мевлуд Д.Д. «Представитель власти» и «должностное лицо»: вопросы соотношения понятий // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 71-74.

за соблюдением правил, лицензирование, регистрация). Некоторая ясность могла бы быть почерпнута из перечня лиц, подлежащих государственной защите по ФЗ «О государственной защите...», куда входят сотрудники множества органов с контрольными полномочиями (налоговых, таможенных, анти-монопольных, Счетной палаты и др.). Однако это не дает ни общего определения, ни исчерпывающего списка¹.

Таким образом, можно выделить три ключевые проблемы, влияющие на квалификацию преступлений по ст. 319 УК РФ и аналогичным составам:

1. Терминологическая неопределенность. Отсутствие легального определения «правоохранительных» и «контролирующих» органов затрудняет правоприменение. Решением могло бы стать законодательное закрепление исчерпывающего перечня таких органов или исключение этого критерия из дефиниции представителя власти.

2. Игнорирование системности права. При анализе многообъектных преступлений правоприменители часто фокусируются только на диспозиции статьи, не принимая во внимание установленную доктриной иерархию объектов посягательства. Это свидетельствует о недостаточной глубине юридического анализа.

3. Сложности в определении статуса потерпевшего. Многообразие терминов, обозначающих специальный социальный статус потерпевшего, нередко вводит в заблуждение следователей и судей, что ведет к ошибкам в квалификации. Точное толкование этих понятий является обязательным условием правильного применения уголовного закона.

Анализ теоретических источников позволяет выделить несколько проблемных аспектов квалификации оскорбления представителя власти.

Во-первых, это требования к толкованию терминов. По справедливому замечанию Н.И. Пикурова, содержание юридического понятия жестко фиксировано – оно не может произвольно меняться при смене контекста, а его

¹ Феркалюк Ю. И. Представитель власти как субъект должностных преступлений // Российский следователь. 2009. № 12. С. 28-32.

интерпретация правоприменителем должна быть ограничительной, а не расширительной¹.

Во-вторых, острой остается дискуссия о допустимости прекращения уголовных дел по ст. 319 УК РФ за примирением сторон. Несмотря на формальную возможность применения ст. 76 УК РФ (преступление небольшой тяжести, совершено впервые, вред заглажен), возникает вопрос: насколько правомерно освобождать от ответственности лицо, чье деяние посягает не только на личное достоинство, но и на публичные интересы – нормальную деятельность государственных органов? По меткому выражению некоторых исследователей, оскорбление сотрудника полиции при исполнении – это не обида частному лицу, а удар по авторитету всей системы правоохраны. Моральный ущерб здесь несет, прежде всего, государство².

Многие теоретики уголовного права сходятся во мнении, что институт примирения сторон (ст. 76 УК РФ) не должен распространяться на двубъектные составы, где в качестве основного или дополнительного объекта выступают отношения по реализации государственной власти. Поддерживая данную позицию, считаем необходимым законодательно закрепить прямой запрет на прекращение таких дел за примирением, дополнив соответствующим условием статью 76 УК РФ.

Итак, значительная часть проблем правоприменения по ст. 319 УК РФ связана с фигурой потерпевшего. Анализ показал, что законодательная дефиниция представителя власти, закрепленная в примечании к ст. 318 УК РФ, страдает терминологической неопределенностью. Использование понятий «правоохранительные» и «контролирующие» органы при отсутствии их легального толкования создает риск как необоснованного расширения, так и неоправданного сужения круга лиц, подлежащих уголовно-правовой защите.

¹ Пикуров Н. И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. М., 2009. С.114.

² Сафронов А.Д. Защита сотрудников органов внутренних дел при выполнении ими должностных обязанностей по УК РФ // Государство и право. 2017. № 2. С. 30.

Дискуссионность отнесения к таковым, например, адвокатов или нотариусов, подтверждает необходимость унификации подходов.

Кроме того, в доктрине сохраняется полемика относительно методологии квалификации: обязателен ли учет родового и видового объектов либо достаточно ограничиться анализом непосредственного. Выявленная коллизия в определениях должностного лица и представителя власти (вплоть до логического круга) свидетельствует о дефектах законодательной техники, требующих устранения.

Таким образом, эффективность применения ст. 319 УК РФ напрямую зависит от устранения терминологических пробелов, унификации доктринальных подходов к объекту посягательства и совершенствования законодательной регламентации статуса потерпевшего – представителя власти.

2.2. Объективная сторона оскорбления представителя власти

Обращаясь к тексту диспозиции уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 319 УК РФ, видим, что в законе противоправность этого общественно опасного деяния сформулирована следующим образом: «публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением»¹.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, может выражаться в двух альтернативных формах:

- 1) публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей;
- 2) публичное оскорбление представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

¹ Уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н. М.П. Журавлёва и к.ю.н. С.И. Никулина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 738.

Причём общим для обеих форм выступает общественно опасное деяние - публичное оскорбление представителя власти, исследованием которого и будет предварён анализ юридических признаков преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ.

Анализ доктринальных источников показывает, что при толковании признака «оскорбление» принято учитывать положения уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за общеуголовное оскорбление (ст. 130 УК РФ). Данный тезис признаётся аксиомой, поскольку, в ч. 1 ст. 130 УК РФ предлагается определение понятия оскорбления: «оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме»¹. «В этой связи, обычно считают, что оскорбление объективно характеризуется двумя основными признаками:

- 1) унижение чести и достоинства;
- 2) неприличная форма»².

Что касается первого признака, то в теории уголовного права высказываются различные по внешнему выражению, но близкие по смыслу, позиции относительно его понимания. «Так, по мнению А.Ю. Кизилова, унижение чести и достоинства - это отрицательная оценка личности, дискредитация её в глазах общественности либо подрыв собственного морального престижа потерпевшего»³.

Л.Л. Кругликов утверждает, что «унижение сопряжено с негативной оценкой личности потерпевшего, подрывающей уважение последнего к самому себе и его престиж в глазах окружающих»⁴.

¹ Бадамшин И.Д., Зеленцов А.А., Кулиев И.Б. Отдельные аспекты квалификации многообъектных преступлений (на примере ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти») // Аграрное и земельное право. 2022. № 11(215). С. 163-164.

² Бриллиантов А.В. К вопросу о понятии должностного лица // Российский следователь. 2001. № 6. С. 29– 30.

³ Уголовное право. Общая и Особенная части: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н. М.П. Журавлёва и к.ю.н. С.И. Никулина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 739

⁴ Кизилов А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти: дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 133.

Анализ существующих дефиниций показывает их тесную связь с этимологией слов «оскорблять»/«оскорбить». Так, в толковом словаре В.И. Даля данные слова раскрываются как «обидеть, огорчить, опечалить и раздражить словом или делом»¹. Данное толкование акцентирует психологическую реакцию потерпевшего (обида, огорчение, раздражение), что служит основанием для рассмотрения оскорбления как формы психического насилия в научной литературе.

По нашему мнению, эта характеристика должна быть имплицитно отражена в понятии оскорбления. Ключевым критерием наличия унижения чести и достоинства выступает субъективная реакция потерпевшего. Если психика адресата оскорбления восприняла действия виновного нейтрально, причинение вреда личным неимущественным благам не может считаться доказанным. Сами понятия «оскорбление» и «унижение» (по аналогии с термином «причинение») обладают двойственной природой, фиксируя как само деяние, так и его последствия.

Таким образом, под унижением чести и достоинства следует понимать отрицательную оценку личности, объективно выраженную вовне и вызвавшую негативную эмоциональную реакцию у потерпевшего.

«Вместе с тем, интерес представляет точка зрения тех авторов, которые полагают, что решающее значение для состава оскорбления имеет выражение отрицательного мнения о потерпевшем в неприличной форме; второстепенное значение смысла этого слова»². Иными «словами И.С. Ной указывает на то, что факт унижения чести и достоинства потерпевшего имеет уголовно-правовое значение лишь в случае его выражения посредством неприличной формы»³. «Такого же мнения придерживается и А. В. Шрамченко, отмечая, что само по себе унижение чести и достоинства личности, как бы глу-

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 2002. Т. 2. М., 2002. С. 698.

² Ной И.С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. Саратов, 1959. С. 61.

³ Мевлуд Д.Д. Представитель власти» и «должностное лицо»: вопросы соотношения понятий // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 71-74.

боко оно не затрагивало самолюбие потерпевшего, при отсутствии неприличной формы не влечёт ответственности по ст. 319 УК РФ»¹.

Однако сказанное вовсе не свидетельствует о жесткой, неразрывной связи указанных признаков. Напротив, полагаем, что правоприменителю при оценке деяния по ст. 319 УК РФ надлежит сначала устанавливать наличие унижения и неприличной формы по отдельности, а затем уже рассматривать их в единстве.

Возможны ситуации, когда унижение чести и достоинства достигается вполне пристойными словами. Например, называние полицейского гомосексуалистом – очевидная негативная оценка, унижающая его, но не содержащая неприличных выражений.

И наоборот, нецензурное слово, использованное как междометие (эмоциональный всплеск), может не умалить достоинство конкретного представителя власти и не вызвать у него негативной реакции, оставаясь лишь формой выражения эмоций самого говорящего.

Правоприменительная практика по ст. 319 УК РФ требует обязательного учёта субъективной реакции потерпевшего на высказывания. Только через призму его восприятия можно достоверно установить, имело ли место унижение чести и достоинства. После этого следует этап квалификации формы: являлась ли она неприличной.

Понятие неприличной формы неотделимо от представлений о приличии, вежливости и этикетных нормах, однако, как подчёркивает А. Г. Брагина, чётких критериев здесь не существует и быть не может². Смысловая нагрузка слов варьируется в зависимости от ситуации общения. Например, в неформальной беседе слова «сука», «урод» могут не нести оскорбительного оттенка, тогда как в официальном контакте с представителем власти, нахо-

¹ Шрамченко А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей: учебное пособие. Ставрополь, 2007. С. 126.

² Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 104-105.

дящимся при исполнении, они приобретают характер унижения, вызывая у последнего закономерную негативную эмоцию.

Осознавая, что «неприличная форма» – категория оценочная, нельзя не признать: её применение на практике требует от правоприменителя особой тщательности и учёта всех нюансов дела.

Заслуживает внимания позиция, высказанная в науке относительно ст. 130 УК РФ, а именно предложение Ю.В. Ганжа исключить признак неприличной формы из законодательного определения оскорбления¹. Думается, что этот подход вполне применим и к анализу ст. 319 УК РФ. Не вторгаясь в проблематику совершенствования общей нормы об оскорблении (что не является нашей задачей), мы считаем возможным в рамках настоящей работы толковать понятие «оскорбление» в ст. 319 УК РФ максимально широко: как любое умышленное унижение чести и достоинства представителя власти, не связывая его обязательным наличием неприличной формы.

Указание на «неприличную форму» ведет лишь к появлению многочисленных вариантов ее определения, неопределенности как в теории, так и на практике. можно оскорбить и в «приличной форме», ведь основа оскорбления – умаление достоинства личности, а таковое может быть совершено и в изысканно вежливой форме. Представляется, что приведенная система доводов наиболее релевантна именно в контексте уголовно-правовой охраны представителей власти. Их убедительность не вызывает сомнений, особенно с учетом того, что объектом посягательства выступает не только личное достоинство, но и установленный порядок управления, охраняемый государством. Дополнительным аргументом служит и то, что ст. 319 УК РФ не содержит предписания квалифицировать деяние по правилам общей нормы об оскорблении (ст. 130 УК РФ).

¹ Ганжа Ю.В. Преступления против чести и достоинства личности: Уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 19.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод: оскорблением представителя власти (ст. 319 УК РФ) следует признавать унижение его чести и достоинства вне зависимости от того, в какой форме (приличной или неприличной) оно было совершено.

Ключевым элементом объективной стороны данного состава, подлежащим дальнейшему анализу, выступает публичность, характеризующая обстановку преступного деяния.

Публичный (польское *publiczny*, латинское *publicus*) означает «в присутствии публики ... открытый»; слово публика - «лица, находящиеся где-нибудь в качестве зрителей, слушателей, пассажиров и т.п.»¹.

«Следовательно, состав преступления, предусмотренный ст. 319 УК РФ, налицо только в том случае, когда оскорбительные действия виновного совершались в присутствии третьих лиц (помимо виновного и потерпевшего), то есть не один на один»².

Вместе с тем, анализ юридической литературы показал, что вопрос о понимании признака публичности при оскорблении представителя власти (ст. 319 УК РФ) трактуется различными авторами неодинаково. Так, А.Ю. Кизилев полагает, что «публичность, как необходимый признак исследуемого деяния, предполагает нанесение оскорбления в присутствии третьих лиц или хотя бы одного постороннего (помимо виновного и потерпевшего) лица. Оскорбление следует признать публичным и в том случае, когда унижительное обхождение с государственным служащим совершается при наличии не частных лиц, а других представителей власти»³.

Другие авторы придерживаются иной точки зрения: «Оскорбление представителя власти один на один либо в присутствии других представите-

¹ Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005. С. 640.

² Мевлуд Д.Д. «Представитель власти» и «должностное лицо»: вопросы соотношения понятий // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 71-74.

³ Кизилев А.Ю. Уголовно-правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти: дисс. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 136.

лей власти не посягает на авторитет представителя власти, но может рассматриваться как оскорбление, предусмотренное ст. 130 УК РФ»¹.

Однако обращение к результатам анализа материалов судебной практики демонстрирует несколько иной подход к пониманию признака публичности в составе оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ). Под обозначенным признаком Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ понимается обстановка, когда оскорбление совершается:

- 1) в присутствии многих лиц;
- 2) присутствующие лица не должны быть сотрудниками (работниками) той организации, к которой принадлежит представитель власти.

Полагаем, что лингвистическая трактовка публичности как присутствия «публики» (то есть нескольких лиц) является верной. В контексте ст. 319 УК РФ это означает наличие двух и более посторонних граждан, в присутствии которых выражено оскорбление.

Исключение составляет ситуация, когда при оскорблении присутствуют только другие представители власти (при исполнении) и нет иных лиц. В таком случае признак публичности отсутствует, поскольку коллеги-должностные лица являются не зрителями, а участниками властеотношений, и их присутствие не образует «общественность» в смысле уголовного закона.

Заслуживает поддержки позиция М.Х. Сулайманова о том, что «о публичности не может быть и речи в случаях, когда оскорбление нанесено не в присутствии посторонних, но впоследствии стало им известно со слов виновного, потерпевшего или иных лиц»². При этом, для наличия состава оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) требуется, чтобы при совершении данного преступления не просто присутствовали посторонние лица, но и понимали характер происходящего.

¹ Мусина Р.Р. Составы преступлений с альтернативными признаками объективной стороны в истории уголовного законодательства советской и постсоветской России // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 2 (6). С. 144-147.

² Сулайманов М.Х. Уголовно-правовая борьба с преступлениями, посягающими на деятельность представителей власти и общественности по охране общественного порядка: дисс. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1984. С. 98.

Если оскорбление представителя власти не обладает признаком публичности, уголовное дело по ст. 319 УК РФ возбуждено быть не может, однако возможна квалификация по ст. 130 УК РФ. Следовательно, под публичностью применительно к ст. 319 УК РФ понимается наличие не менее двух посторонних свидетелей (не являющихся представителями власти).

Несмотря на устоявшееся в теории отнесение данного преступления к формальным составам, считаем такую позицию уязвимой для критики. Учитывая, что сущность унижения заключается в негативной эмоциональной реакции потерпевшего, момент окончания преступления должен определяться моментом, когда эта реакция наступила. Соответственно, если виновный предпринял попытку оскорбить представителя власти, но по не зависящим от него обстоятельствам не достиг желаемого результата (например, оскорбление не было воспринято адресатом), деяние образует покушение на преступление (ч. 3 ст. 30, ст. 319 УК РФ).

Как отмечалось ранее, законодатель выделяет два варианта объективной стороны: оскорбление непосредственно при исполнении служебных обязанностей и оскорбление в связи с их исполнением. Для первого варианта обязательным признаком является время совершения преступления, что требует его последующего детального анализа.

При квалификации деяния по ст. 319 УК РФ необходимо различать две ситуации.

В первой, когда оскорбление нанесено непосредственно в момент исполнения представителем власти обязанностей, значение имеет документальное подтверждение этого факта: нахождение на рабочем месте в установленное время (для стандартного графика) либо наличие приказа или задания (для сменной/круглосуточной работы). Нахождение в форменной одежде также может служить индикатором осуществления служебных функций.

Во второй ситуации, когда оскорбление продиктовано мотивом мести за служебную деятельность, временной фактор утрачивает самостоятельное квалифицирующее значение. Достаточно установить причинно-

следственную связь между действиями потерпевшего по службе и противоправным поведением виновного.

Таким образом, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, характеризуется сложной структурой, включающей альтернативные формы, каждая из которых обладает специфическими признаками, требующими тщательного установления в процессе доказывания. Предложенное в работе понимание оскорбления (без обязательной привязки к неприличной форме) и момента окончания деяния (с учетом реакции потерпевшего) направлено на повышение эффективности уголовно-правовой защиты представителей власти и единообразия судебной практики.

Законодатель сконструировал объективную сторону рассматриваемого деяния как состоящую из двух альтернативных форм: а) публичное оскорбление представителя власти, совершенное непосредственно во время исполнения им служебных обязанностей; б) публичное оскорбление, обусловленное самим фактом выполнения потерпевшим этих обязанностей (в связи с их исполнением). Указанные формы различаются по юридически значимым признакам: для первой обязательным является время совершения деяния, для второй – мотив, что требует их самостоятельного установления по каждому уголовному делу.

Для устранения противоречий целесообразно исключить из диспозиции ст. 319 УК РФ признак «при исполнении должностных обязанностей», оставив более широкий – «в связи с их исполнением».

Ограничение составом только «обязанностей». Формальное толкование статьи может создать ложное впечатление, что состав преступления возникает только при оскорблении во время исполнения обязанностей, но не при реализации прав. Однако судебная практика опровергает такой узкий подход¹.

¹ Пантюхина И.В. Место преступлений против чести и достоинства личности в системе уголовного законодательства Российской Федерации // Актуальные проблемы современного права и политики: межрегиональный сборник научных трудов. 2006. С. 211-215.

Во избежание разночтений корректнее заменить в статье отсылку на «обязанности» на термин «полномочия», что точнее отражает служебную деятельность и соответствует практике.

Оскорбление должно быть публичным, но содержание этого признака трактуется по-разному. Одни исследователи считают достаточным присутствие одного постороннего лица, другие настаивают на наличии как минимум двух свидетелей.

Для решения проблемы предлагаем:

Изменить подход к признаку «публичности» и допустимости доказательств, разрешив учитывать показания других сотрудников правоохранительных органов по делам об оскорблении.

Ввести особый порядок квалификации оскорблений в отношении сотрудников УИС, учитывающий специфику их службы.

Для унификации практики и устранения противоречий необходимо законодательно закрепить в примечании к ст. 319 УК РФ, что под публичностью понимается совершение деяния в присутствии хотя бы одного постороннего лица, не являющегося представителем власти. Это согласуется с установившейся судебной практикой и сущностью преступления, посягающего на авторитет власти.

2.3. Субъективные признаки оскорбления представителя власти

Анализ субъективной стороны публичного оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) является необходимым этапом настоящего исследования. Интерес к данной теме продиктован эволюцией уголовно-правовой доктрины.

Общее понятие субъекта преступления в уголовном праве определяется достаточно единообразно: это физическое вменяемое лицо, достигшее воз-

раста уголовной ответственности, виновно совершившее запрещенное УК РФ деяние и способное понести за него наказание. Применительно к преступлениям, предусмотренным главой 32 УК РФ, теоретическая база разработана, однако вопрос классификации субъектов остается дискуссионным.

В доктрине сложились различные подходы:

- одни ученые относят к субъектам как частных, так и должностных лиц;
- другие не видят оснований для ограничений, распространяя субъектный состав на любых лиц;
- третьи дифференцируют субъектов на граждан и должностных лиц.

В теории также принято разграничивать общий и специальный субъекты преступления¹.

Сложившаяся в уголовно-правовой науке и судебной практике неоднозначность подходов к классификации субъектов преступлений против публичного оскорбления представителя власти вряд ли может быть признана удовлетворительной с точки зрения задач правоприменения. Указанное обстоятельство актуализирует необходимость более тщательного исследования субъекта преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ.

Первоначально обратимся к терминологии. При характеристике субъекта преступлений, посягающих на честь и достоинство, многие ученые используют понятие «частное лицо». Представляется обоснованной позиция тех авторов, которые указывают на недостаточную точность данного термина. Прежде чем изложить собственную точку зрения, отметим, что в уголовном праве содержание понятия «частное лицо» до настоящего времени не раскрыто. Употребляя этот термин применительно к преступлениям, предусмотренным главой 32 УК РФ, исследователи, как правило, не конкретизируют, какими признаками должно обладать такое лицо, в отличие от детально регламентированного понятия «должностное лицо».

¹ Проценко С.В. О субъективной стороне и субъекте преступления как элементах состава преступления // Российский следователь. 2016. № 14. С. 18-23.

Между тем, разработка признаков частного лица имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, что будет обосновано в процессе анализа субъекта преступлений против порядка управления. Для получения исчерпывающего ответа на данный вопрос необходимо, прежде всего, дать толкование термину «частное лицо», определить его смысловое наполнение и выявить критерии, позволяющие отграничить его от иных категорий субъектов. Согласно словарю, слово «частый, -ое» означает «являющийся отдельной частью чего-либо, а не общий, не типичный. Личный, а не общественный, не государственный»¹. Близко по значению, хотя и узкое толкование термина «частный» предлагается в толковом словаре «относящийся к части, общему, исключение»².

Констатируем, что исключительно словарных определений термина «частное» явно недостаточно для формулирования признаков частного лица как субъекта уголовной ответственности. Полагаем необходимым дополнить их анализом:

- признаков должностного лица, закрепленных в ст. 285 УК РФ;
- признаков не должностного лица, разработанных в теории уголовного права;
- сложившейся практики привлечения к ответственности должностных и не должностных лиц.

Сопоставление указанных категорий с семантикой слова «частное» позволит, на наш взгляд, выработать определение частного лица как субъекта преступлений (например, предусмотренных главой 17 УК РФ).

Наиболее эвристичным представляется подход, раскрывающий признаки субъекта преступления через его функциональную деятельность. Однако

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 5700 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 19 изд., испр. М., 1987. С. 717.

² Пантюхина И.В. Место преступлений против чести и достоинства личности в системе уголовного законодательства Российской Федерации // Актуальные проблемы современного права и политики: межрегиональный сборник научных трудов. 2006. С. 211-215.

такая позиция требует дополнения: помимо деятельности и функций, необходимо учитывать также статус субъекта в динамике правоотношения.

В отношении должностных лиц, отдающих распоряжение о совершении преступления либо лично его исполняющих, их деятельность (в соответствии со ст. 285 УК РФ) подразделяется на:

- функции представителя власти (постоянные или временные);
- организационно-распорядительные функции (управление людьми, производственными, воспитательными, организационными и технологическими процессами);
- административно-хозяйственные функции (управление и распоряжение государственным, коллективным или частным имуществом, средствами производства и иными материальными ценностями)¹.

В отношении недолжностных лиц, как показывает проведённый анализ, отсутствуют функции и статус, присущие должностным лицам. Представляется, что дать исчерпывающее и объективное определение субъекта исследуемого состава преступления (в части, касающейся недолжностных лиц) невозможно без раскрытия содержания производственных и профессиональных функций, а также правового положения, которое такой субъект занимает в момент совершения преступления. К ним относятся:

- производственные функции, опосредующие процесс производства;
- профессиональные функции как относительно устойчивый вид трудовой деятельности, предполагающий наличие определённого объёма теоретических знаний, практического опыта и трудовых навыков;
- круг обязанностей, установленный трудовым договором, контрактом, должностной инструкцией или иными ведомственными нормативными актами.

Данную позицию целесообразно дополнить указанием на статусный признак: «работник обладает статусом должностного лица и государственно-

¹ Проценко С.В. О субъективной стороне и субъекте преступления как элементах состава преступления // Российский следователь. 2016. № 14. С. 18-23.

властными полномочиями» (применительно к должностным лицам этот признак отсутствует).

Как отмечалось ранее, рассматривая в динамике действия должностных и должностных лиц, а также правовые последствия их деяний, можно перейти к анализу частного лица как потенциального субъекта преступлений, предусмотренных главой 17 УК РФ. Анализ уголовных дел показывает, что частное лицо совершало эти преступления вне связи с вышеуказанными функциями должностного лица, то есть не в связи с выполняемой работой, служебными полномочиями, профессиональными функциями или служебным положением. Разделяя точку зрения о том, что такое лицо действует по собственной инициативе, в своих частных интересах, полагаем необходимым уточнить её, дополнив положением: «такое лицо совершает преступление вне функций и статуса, характерных для должностных и должностных лиц, выступая как частное лицо, действующее не в интересах общественной деятельности».

Представляется верным, что понятия «частное лицо» и «должностное лицо» относятся к разным системам координат, в силу чего их некорректно непосредственно сравнивать или противопоставлять. Методологически обоснованным является рассмотрение каждой из этих категорий в контексте конкретной системы общественных отношений, в рамках которой они реализуются.

Как было показано, категория «субъект преступления» должна толковаться с соблюдением требования полноты объема. В соответствии с законами формальной логики, при классификации субъектов на должностных, должностных и частных лиц суммарный объем этих классификационных групп обязан совпадать с объемом исходного общего понятия. Руководствуясь данным правилом, можно предложить следующую дефиницию частного лица как субъекта преступления: это физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, которое реализует преступное деяние, не будучи носителем функций и статуса должностного лица, не состоя в тру-

довых отношениях и действуя не в интересах общественно полезной деятельности, а именно как частное лицо.

При таком подходе нельзя признать убедительной позицию исследователей, которые либо вовсе отвергают существование категории «частное лицо», либо отождествляют её с должностным лицом. Данное разграничение имеет принципиальное значение и должно быть учтено в законодательстве, поскольку совершение преступлений (например, предусмотренных главой 32 УК РФ) должностными или должностными лицами в связи с их функциями и служебным положением объективно свидетельствует о большей степени общественной опасности по сравнению с аналогичными деяниями частных лиц¹.

Несостоятельной представляется и точка зрения, согласно которой граждане, апатриды и иностранные граждане рассматриваются как специальные субъекты, а не как частные лица. В действительности они приобретают качество специального субъекта лишь в строго определенных, указанных в законе ситуациях, а не имманентно присущим им свойством.

Любое человеческое поведение, включая преступное, представляет собой органическое единство двух сторон: внешней (объективной) и внутренней (субъективной). В реальности они неразрывны, и лишь в теоретических конструкциях возможно их обособленное рассмотрение. Преступная деятельность в этом смысле выступает психофизиологическим единством, где объективные действия неотделимы от сознания, воли, мотивов и целей субъекта.

Установление субъективной стороны имеет фундаментальное значение для уголовного судопроизводства, поскольку именно через ее признаки:

- раскрывается действительная степень общественной опасности содеянного;
- проводится граница между преступлением и случаем (казусом);

¹ Проценко С.В. О субъективной стороне и субъекте преступления как элементах состава преступления // Российский следователь. 2016. № 14. С. 18-23.

- реализуется принцип виновной ответственности, исключающий объективное вменение;
- определяется мера наказания¹.

Вопросы, касающиеся субъективной стороны, неоднократно становились предметом научных изысканий как отечественных, так и зарубежных авторов. Однако консенсус по многим из них до сих пор не достигнут. Более того, современная правоприменительная практика выявила ряд новых проблем, связанных с определением субъективной стороны отдельных категорий преступлений, которые не нашли адекватного отражения ни в теории, ни в законе. Сохраняются и законодательные пробелы. Все это актуализирует необходимость комплексного исследования теоретических основ субъективной стороны, анализа ее признаков и выработки предложений по совершенствованию уголовного законодательства, включая систематизацию норм Особенной части УК РФ с учетом родового объекта преступлений.

В уголовно-правовой науке под субъективной стороной понимается психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям – то есть внутреннее, психическое содержание преступного акта.

Подобной позиции относительно понятия «субъективная сторона преступления» придерживается и А.И. Рарог, который определяет ее как внутреннюю сторону преступления, иными словами психическую деятельность лица, отражающую отношение его сознания и воли к общественно опасному деянию, которое им совершается, и к его последствиям².

В теории уголовного права под субъективной стороной преступления понимают внутреннюю (психическую) сущность деяния, характеризующуюся определённым отношением лица к совершённому им общественно опас-

¹ Супрун С.В. Органы полиции Росгвардии в персональном виде подследственности Следственного комитета Российской Федерации // Российский следователь. 2024. № 6. С. 34-39.

² Рарог А.И. Уголовное право. Общая часть: учебник // М., 1996. С. 61.

ному действию. Её образуют вина, мотив, цель и эмоциональные переживания субъекта.

Субъективная сторона может также рассматриваться как интеллектуально-волевой процесс, в котором объективное поведение лица и внешние обстоятельства преступления получают своё психическое отражение.

К обязательным признакам субъективной стороны относится вина, без которой состав преступления отсутствует. Факультативными признаками выступают мотив, цель и эмоциональное состояние, причём мотив и цель, как правило, возникают до начала приготовления к преступлению, то есть предшествуют вине, появляющейся с момента приговорительных действий.

Вина определяется как психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям, существующее в форме умысла или неосторожности. Ответственность только при наличии вины – основополагающий принцип уголовного права, нашедший отражение в ст. 5 УК РФ и ст. 49 Конституции РФ, согласно которой обвиняемый считается невиновным, пока его вина не доказана в предусмотренном законом порядке¹.

Уголовный кодекс РФ последовательно проводит принцип субъективного вменения, что выражается в нескольких нормативных решениях:

- статья 5 УК прямо устанавливает недопустимость ответственности без вины;
- глава 5 УК содержит исчерпывающую характеристику умысла и неосторожности;
- закон предписывает, что любые объективные обстоятельства содеянного могут быть поставлены в вину лицу лишь при условии, что они были охвачены его психическим отношением (в форме умысла или неосторожности)².

¹ Иванов Н.Г. Уголовное право. Особенная часть в 2 т. Т. 2 / Н.Г. Иванов. М., 2018. С. 199.

² Качалова О.В. Прекращение уголовного преследования и вопросы эффективности уголовно-процессуальной деятельности // Российская юстиция. 2025. № 6. С. 24-32.

Этот принцип не только декларируется, но и реально действует в правоприменительной деятельности. В частности, привлечение к ответственности за преступления, совершенные по неосторожности, возможно лишь при доказанности не только обязанности, но и объективной возможности лица предвидеть и предотвратить общественно опасные последствия.

Отграничение умышленной вины от неосторожной имеет ключевое значение для правильной квалификации и соблюдения принципа законности. Преступление признается умышленным при доказанности того, что субъект осознавал общественную опасность деяния, предвидел его последствия и желал их наступления (прямой умысел) либо сознательно допускал их наступление (косвенный умысел).

Содержание умысла, определяемое через ст. 25 УК РФ, раскрывается через два ключевых компонента: интеллектуальный (осознание) и волевой (желание или сознательное допущение). Интеллектуальный момент предполагает, что виновный отдает себе отчет не только в фактических обстоятельствах содеянного, но и в его социальной значимости – общественной опасности, которая детерминируется всеми объективными признаками деяния и характером объекта посягательства¹.

В теории уголовного права обсуждается вопрос о необходимости осознания субъектом также и уголовной противоправности (запрещенности деяния уголовным законом). Сторонники этой позиции указывают на неразрывную связь противоправности с общественной опасностью. Однако, как следует из ст. 25 УК, закон не включает противоправность в число обязательных признаков умысла. Лицо, осознающее общественную опасность, как правило, понимает и противоправность, но возможны исключения. Требование осознания именно общественной опасности, а не противоправности, соответствует и конституционной презумпции знания закона, согласно которой незнание нормативных предписаний не освобождает от ответственности. Более того,

¹ Комиссаров В.С. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. В.С. Комиссарова. М., 2018. С. 201.

на практике утверждения о незнании уголовно-правового запрета зачастую не находят подтверждения.

Волевой компонент умысла проявляется в целенаправленном использовании лицом своих интеллектуальных и физических возможностей для реализации преступного намерения¹.

Обзор научной литературы демонстрирует множественность подходов к пониманию мотива в уголовном праве и психологии.

Первый подход (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Б.С. Волков, А.В. Наумов и др.) трактует мотив через категорию потребности. Мотив здесь – это «опредмеченная» потребность, осознанное побуждение, связывающее потребность с целью. Х. Хекхаузен добавляет к этому представление о мотиве как о желаемом состоянии в системе «индивид – среда». Критическое замечание: при таком подходе мотив фактически растворяется в смежных понятиях, его специфика остается нераскрытой.

Второй подход (Б.В. Харазишвили, М.П. Чубинский) делает упор на эмоционально-волевую сферу. Мотив рассматривается как эмоциональное состояние, реализуемое через волевой акт, основанный на осознании необходимости действия и стремлении к нему². Это более глубокая трактовка, указывающая на эмоциональную природу мотива. Однако она вызывает два возражения: во-первых, эмоции и воля не всегда образуют неразрывное единство; во-вторых, сомнительно требование обязательной осознанности причин возникновения побуждения.

Особую позицию занимает Е.И. Думанская, определяющая мотив как интегральное психическое образование – основание и побуждение к совер-

¹ Петин И.А. Методология установления субъективной стороны преступления // Межотраслевые аспекты и методология уголовного права: материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора М.И. Ковалева. Уральская государственная юридическая академия. 2006. С. 64-74. С. 65.

² Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть / А.В. Наумов. М., 2020. С. 185.

шению общественно опасного деяния¹. Представляется, что данное определение носит слишком общий, абстрактный характер, перегружено феноменологической терминологией и по сути воспроизводит классическое понимание мотива как внутреннего побуждения, не добавляя к нему новых содержательных элементов.

Резюмируя рассмотренные научные позиции, следует признать, что ни одна из них не обеспечивает категорию «мотив преступления» достаточным теоретическим обоснованием и не наполняет ее конкретным, доказуемым содержанием. В то же время, сопоставление различных взглядов позволяет выделить три ключевых понятия, неизменно фигурирующих в определениях мотива.

Первое понятие – потребности. Именно неудовлетворенная потребность, как принято считать, запускает механизм поведенческой активности. С этим тезисом можно согласиться.

Второе понятие – воля. В психологической литературе понятие воли не имеет однозначной трактовки. В.И. Селиванов определяет волю как активность субъекта по регуляции собственного поведения, направленную на преодоление препятствий². Эта активность может быть охарактеризована с двух сторон – содержательной (что именно регулируется); формальной (как внешне выражается процесс регуляции).

Третье понятие – эмоции (требует отдельного рассмотрения).

В.А. Иванников определяет волю как произвольную мотивацию, которая проявляется в дополнительном побуждении или торможении действий, необходимых обществу или контролируемых им³. Это – завершающая стадия овладения субъектом собственной мотивацией, сознательное конструирова-

¹ Кругликов Л.Л. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2020. С. 174.

² Таможник Е.Л. Преступления против законной деятельности представителей власти: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 23.

³ Рарог А.И. Субъективная сторона преступления // Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 2019. С. 212-245.

ние побуждения через воображаемый мотив. Следовательно, воля – не просто способ, а особая форма мотивации (произвольная), включённая в личностную регуляцию, где важнейшую роль играет личностный смысл (отражение связи мотива с целью и условиями).

К. Левин, в свою очередь, полагал, что обычное поведение есть результат реализации энергии потребностей, а волевое поведение базируется на квазипотребностях – искусственно созданных, мнимых нуждах, порождающих напряжение и требующих разрядки¹.

Несмотря на глубину этих концепций, они не проясняют до конца, как именно воля соотносится с мотивом: то ли она выступает его формой, то ли предшествует ему, то ли является следующим этапом.

Наиболее убедительным, на наш взгляд, является интегративный подход, трактующий волю как универсальный механизм регуляции деятельности и поведения, который обеспечивает формирование целей и мобилизацию внутренних усилий для их достижения. Причём эта регуляция может осуществляться как сознательно, так и на рефлексорном уровне (при неосознаваемых потребностях)².

3. Цель есть осознанный образ желаемого результата, формирующийся в результате волевого усилия по поиску предмета, способного удовлетворить потребность.

Процесс развертывания поведенческой активности выглядит следующим образом:

сначала актуализируется потребность, вызывая состояние неудовлетворенности (которое может переживаться как осознанно, так и неосознанно – в виде смутного беспокойства, тревоги, желания);

¹ Смоляков Е.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 23.

² Думанская Е.И. Мотивация и мотив преступления: криминологический и уголовно-правовой аспекты: монография. Екатеринбург, 2010. С. 14.

затем подключаются волевые процессы: фаза целеполагания (поиск предмета удовлетворения) и фаза реализации (мобилизация усилий для достижения цели).

При таком подходе категория мотива оказывается в известной мере искусственной, поскольку она не описывает реально существующий психофизиологический процесс, а лишь обобщает другие понятия. Тем не менее, полностью отказываться от нее нецелесообразно: мотив выполняет важную синтезирующую функцию, объединяя потребности, предметы деятельности и волю в единую направленность поведения, основанную на специфическом эмоциональном состоянии, порожденном волевым актом. Однако на практике выявить конкретное наполнение этой направленности не представляется возможным. Причины: а) подлинные потребности чаще всего не осознаются; б) воля как психический феномен не поддается объективному измерению¹. Единственным реально устанавливаемым элементом поведения является цель – конкретный предмет или результат, к которому стремился субъект. В уголовном праве цель преступления всегда осознается виновным.

Резюмируя сказанное, полагаем возможным предложить унификацию терминологии УК РФ в части замены категории «мотив» на категорию «цель» в тех составах, где мотив является конструктивным признаком. Этот шаг обоснован сложившейся правоприменительной практикой: фактически мотив устанавливается через цель, определяемую по предмету посягательства и ожидаемым последствиям. Следовательно, даже при формальном доказывании мотива речь на практике идет об установлении цели.

Анализ показывает, что предлагаемая корректировка не повлечет изменений в оценке общественной опасности и квалификации деяний. Например:

- вместо корыстного мотива будет указываться корыстная цель;
- вместо хулиганского мотива – цель демонстрации пренебрежения моральными нормами;

¹ Кузьмин А.В. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 29.

- вместо мотива нетерпимости – цель дискриминации;
- вместо иных личных мотивов – иные личные цели.

Таким образом, исследование подтвердило сложную, интегративную природу мотива, что создает проблемы в правоприменении. Для их преодоления предлагается на законодательном уровне и в статистической отчетности заменить понятие «мотив» (там, где оно выступает обязательным признаком) на понятие «цель». Наше предложение не бесспорно, но, надеемся, послужит импульсом для дальнейшего развития теории субъективной стороны состава преступления.

Изложенные выше теоретические положения о вине, ее формах, интеллектуальном и волевом моментах умысла, а также о влиянии конструкции состава на вину образуют методологическую основу для юридического анализа субъективной стороны. Мотив и цель, являясь факультативными признаками, по общему правилу не влияют на квалификацию, однако учитываются при назначении наказания.

Исключение составляют умышленные преступления, в диспозиции которых мотив и цель прямо указаны в качестве обязательных признаков. В таких случаях их отсутствие исключает возможность квалификации деяния по соответствующей статье. В остальных составах мотив и цель, даже будучи установленными, не меняют квалификацию, но могут быть приняты во внимание судом¹.

Уголовно-правовая оценка деяния требует установления органического единства объективных и субъективных признаков. Субъективная сторона направляет и регулирует объективную, и их нельзя рассматривать изолированно: объективное содержание преступления позволяет раскрыть его субъективные свойства, и наоборот.

Таким образом, проведенное исследование субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, позволяет сформу-

¹ Киселев С.С. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. С. 18.

лизовать следующие итоговые положения. Ключевым обязательным признаком субъективной стороны выступает вина. Применительно к ст. 319 УК РФ вина характеризуется только прямым умыслом: виновный осознает общественно опасный и публичный характер оскорбления, понимает, что потерпевший является представителем власти (в соответствующих случаях – и факт нахождения при исполнении), и желает совершить указанные действия. Интеллектуальный момент умысла включает осознание фактических обстоятельств и общественной опасности деяния; осознание противоправности не является обязательным, что соответствует принципу «незнание закона не освобождает от ответственности»¹.

Правильное установление субъекта, вины, мотива и цели является необходимым условием для квалификации преступления по ст. 319 УК РФ, отграничения его от смежных составов и от невиновного причинения вреда, а также для индивидуализации наказания. Субъективные признаки находятся в неразрывном единстве с объективной стороной: субъективная сторона направляет и регулирует объективное поведение, а объективные обстоятельства позволяют раскрыть психическое отношение лица.

Таким образом, проведенное исследование позволило уточнить понятие частного лица как субъекта преступления, раскрыть содержание субъективной стороны оскорбления представителя власти и обосновать предложение по совершенствованию уголовного законодательства в части унификации терминологии, касающейся мотива и цели. Дальнейшее развитие учения о субъективных признаках преступления должно быть направлено на преодоление пробелов в законодательной регламентации и повышение эффективности правоприменительной практики.

¹ Хромов Е.В. Комментарий к отдельным положениям Уголовного кодекса Российской Федерации в решениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ / Е.В. Хромов. М., 2023. С. 162.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное комплексное исследование уголовной ответственности за публичное оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) позволило сформулировать ряд принципиальных выводов:

1. Установлено, что общественная опасность оскорбления представителя власти имеет двуединую природу: наряду с причинением вреда личным нематериальным благам потерпевшего (чести и достоинству), деяние посягает на публичный интерес – нормальное функционирование органов государственной власти и их авторитет в глазах общества. Именно посягательство на порядок управления выступает основным критерием отнесения данного состава к преступлениям против государственной власти.

2. Статистический анализ динамики осуждений по ст. 319 УК РФ за 2016–2024 гг. выявил устойчивую тенденцию к снижению абсолютного числа осужденных (более чем втрое), что может быть связано с общей гуманизацией уголовной политики. Однако доля данной статьи в структуре преступлений против порядка управления остается значительной (около 18%), а процент обвинительных приговоров стабильно приближается к 100%, что свидетельствует о формализованном и репрессивном характере правоприменения.

3. Выявлены проблемы законодательной регламентации объекта и потерпевшего и пути их решения.

Так, дефиниция представителя власти в примечании к ст. 318 УК РФ использует термины «правоохранительные» и «контролирующие» органы, которые не имеют легального толкования, что порождает неопределенность круга потерпевших и правоприменительные ошибки.

Наличие логического круга в определениях «представитель власти – должностное лицо» затрудняет разграничение этих категорий.

Отсутствие четкого критерия отнесения лица к представителям власти (предлагаемые в доктрине подходы – доверие населения, авторитет – носят субъективный характер).

В этой связи предлагаем:

Внести в примечание к ст. 318 УК РФ законодательное определение представителя власти через объективный критерий – наличие у лица права легитимного государственного принуждения в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него.

Законодательно закрепить исчерпывающий перечень органов, сотрудники которых признаются представителями власти, либо исключить отсылку к «правоохранительным» и «контролирующим» органам, заменив ее прямым указанием на властные полномочия.

Учитывая многообъектный характер преступления (посягательство на публичный интерес), исключить возможность освобождения от уголовной ответственности по ст. 319 УК РФ за примирением сторон (ст. 76 УК РФ). Для этого дополнить ст. 76 УК РФ прямым запретом на прекращение уголовных дел о преступлениях, посягающих на порядок управления.

4. Были определены проблемы объективной стороны состава преступления:

- оценочный характер признака «неприличная форма» и его неоднозначное толкование создают трудности в квалификации, позволяя оскорбителям уходить от ответственности при использовании внешне пристойных, но унижительных выражений.

- дискуссионность понимания признака «публичность» (достаточно ли одного свидетеля или требуется несколько, следует ли учитывать присутствие других представителей власти).

- традиционное отнесение состава к формальным и определение момента окончания преступления моментом совершения деяния не учитывает сущность унижения как негативной реакции потерпевшего.

В этой связи предлагаем:

- При толковании ст. 319 УК РФ исходить из того, что оскорбление представителя власти – это умышленное унижение его чести и достоинства вне зависимости от формы выражения (приличной или неприличной). Ключо-

чевым критерием должна выступать субъективная негативная реакция потерпевшего.

- момент окончания преступления связывать с возникновением у потерпевшего негативной эмоциональной реакции. Если виновный совершил все действия, направленные на оскорбление, но реакция не наступила по независящим от него причинам, содеянное квалифицировать как покушение (ч. 3 ст. 30, ст. 319 УК РФ).

- законодательно закрепить в примечании к ст. 319 УК РФ определение публичности: совершение деяния в присутствии хотя бы одного постороннего лица, не являющегося представителем власти. Присутствие исключительно иных должностных лиц (при исполнении) публичности не образует.

Для устранения противоречий в квалификации двух форм объективной стороны (при исполнении / в связи с исполнением) рекомендовать правоприменителям тщательно устанавливать: для первой формы – время совершения (документальное подтверждение), для второй – мотив (причинно-следственную связь с предшествующей служебной деятельностью).

5. Были определены проблемы субъективных признаков:

- Неопределенность понятия «частное лицо» в уголовном праве и смешение его с категорией «недолжностное лицо».

- Сложная, интегративная природа мотива, его нечеткость и трудности доказывания на практике (фактически мотив устанавливается через цель).

В этой связи предлагаем:

- Ввести в доктрину и правоприменение разграничение категорий «должностное лицо», «недолжностное лицо» и «частное лицо». Предложено авторское определение частного лица как субъекта преступления: физическое вменяемое лицо, достигшее возраста ответственности, совершающее деяние вне связи с функциями и статусом должностного лица, не состоящее в трудовых отношениях и действующее не в интересах общественно полезной деятельности.

– Учитывая сложности доказывания мотива и его фактическое установление через цель, провести унификацию терминологии УК РФ. В составах, где мотив выступает обязательным признаком, заменить категорию «мотив» на категорию «цель» (например: корыстный мотив → корыстная цель; хулиганский мотив → цель демонстрации пренебрежения нормами морали; мотив нетерпимости → цель дискриминации). Такая замена не изменит оценку общественной опасности, но упростит доказывание и повысит единообразие судебной практики.

6. Проведенное исследование подтвердило высокую общественную опасность публичного оскорбления представителя власти и необходимость его эффективной уголовно-правовой охраны. Выявленные проблемы носят системный характер и требуют комплексного законодательного решения. Реализация предложенных рекомендаций позволит:

устранить терминологическую неопределенность в определении потерпевшего;

уточнить признаки объективной стороны (оскорбление, публичность, момент окончания);

оптимизировать доказывание субъективных признаков (путем замены мотива целью);

обеспечить неотвратимость ответственности за посягательства на авторитет государственной власти (запрет примирения).

Дальнейшие научные исследования в данной сфере должны быть направлены на мониторинг эффективности предлагаемых изменений и анализ правоприменительной практики после их возможного внедрения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.
4. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 12.
5. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 № 14 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2023. – № 8.

Монографии, учебники и учебные пособия

6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 2002. – Т. 2. – 958 с.
7. Динека, В.И. Современное правовое положение представителя власти (общий правовой аспект) / В.И. Динека. – М.: Норма, 1995. – 316 с.
8. Думанская, Е.И. Мотивация и мотив преступления: криминологический и уголовно правовой аспекты: монография / Е.И. Думанская. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2010. – 120 с.
9. Иванов, Н.Г. Уголовное право. Особенная часть: в 2 т. Т. 2 / Н.Г. Иванов. – М.: Юрайт, 2018. – 520 с.
10. История государства и права России / под ред. Ю.П. Титова. – М.: ТК Велби, 2003. – 428 с.

11. История отечественного государства и права. Часть 1 / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрист, 2004. – 396 с.
12. Колосовский, В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно правовых деяний: учебное пособие / В. В. Колосовский. – М.: Юрайт, 2016. – 285 с.
13. Комиссаров, В.С. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / В.С. Комиссаров. – М.: Статут, 2018. – 784 с.
14. Кругликов, Л.Л. Уголовное право России. Особенная часть / Л.Л. Кругликов. – М.: Проспект, 2020. – 896 с.
15. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2005. – 844 с.
16. Лоба, В. Е. Уголовное право Древней Руси XI–XII вв. (по данным Русской Правды): монография / В. Е. Лоба, С. Н. Малахов. – Армавир, 2011. – С. 148–149.
17. Лонь, С. Л. Правоохранительные органы: учебник / С.Л. Лонь. – Томск, 2011. – 344 с.
18. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть / А.В. Наумов. – М.: Проспект, 2020. – 784 с.
19. Новоселов, Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г.П. Новоселов. – М.: Норма, 2001. – 208 с.
20. Ной, И.С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве / И.С. Ной. – Саратов, 1959. – 288 с.
21. Отечественное законодательство XI–XX вв.: пособие для семинаров. Часть I (XI–XIX вв.) / под ред. проф. О.И. Чистякова. – М.: Норма, 2004. – 412 с.
22. Пикуров, Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава / Н.И. Пикуров. – М.: Юнити, 2009. – 256 с.
23. Рарог, А.И. Уголовное право. Общая часть: учебник / А. И. Рарог. – М.: Гардарика, 1996. – 182 с.

24. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А.Д. Горский. – М., 1985. – 427 с.
25. Титов, Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России / Ю.П. Титов. – М.: Юнити, 2000. – 428 с.
26. Тихомиров, М. Н. Соборное Уложение 1649 года / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. – М.: Издательство Московского университета, 1961. – 342 с.
27. Трайнин, А.Н. Уголовное право. Часть Особенная / А.Н. Трайнин. – М., 1927. – 320 с.
28. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2019. – 429 с.
29. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. – М.: Юрайт, 2016. – С. 411–412.
30. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Плотникова. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. – 415 с.
31. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук М.П. Журавлёва, канд. юрид. наук С.И. Никулина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2019. – С. 738.
32. Хромов, Е.В. Комментарий к отдельным положениям Уголовного кодекса Российской Федерации в решениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ / Е.В. Хромов. – М.: Юнити, 2023. – 280 с.
33. Шрамченко, А. В. Уголовно правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей: учебное пособие / А.В. Шрамченко. – Ставрополь, 2007. – 312 с.

Научные публикации и статьи в иных периодических изданиях

34. Агузаров, Т.К. Охрана власти по Русской Правде, уставам и уставным грамотам / Т.К. Агузаров, А.И. Чучаев // LEX RUSSICA. – 2009. – № 6. – С. 12–18.

35. Агузаров, Т.К. Охрана власти по Соборному Уложению 1649 г. / Т.К. Агузаров // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Специальный выпуск «Правоведение». – 2009. – № 5 (8). – С. 12–15.

36. Бадамшин, И.Д. Отдельные аспекты квалификации многообъектных преступлений (на примере ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти») / И.Д. Бадамшин, А.А. Зеленцов, И.Б. Кулиев // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 11 (215). – С. 163–164.

37. Брагина, А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дисс. ... канд. юрид. наук / А.Г. Брагина. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2006. – 213 с.

38. Бриллиантов, А.В. К вопросу о понятии должностного лица / А.В. Бриллиантов // Российский следователь. – 2001. – № 6. – С. 29–30.

39. Волколупова, В.А. Должностное лицо как субъект уголовной ответственности / В.А. Волколупова // Уголовное законодательство: история и современные проблемы. – Волгоград, 1998. – С. 213.

40. Ганжа, Ю.В. Преступления против чести и достоинства личности: уголовно правовая и криминологическая характеристика: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2007. – 25 с.

41. Жаглина, М.Е. Понятие «представитель власти» в уголовном праве: история и современность / М.Е. Жаглина // Следователь. – 1998. – № 5. – С. 6–10.

42. Качалова, О.В. Прекращение уголовного преследования и вопросы эффективности уголовно процессуальной деятельности / О.В. Качалова, В. И. Качалов // Российская юстиция. – 2025. – № 6. – С. 24–32.

43. Кизиллов, А.Ю. Уголовно правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти: дисс. ... канд. юрид. наук / А.Ю. Кизиллов. – Ульяновск, 2002. – 219 с.

44. Киселев, С.С. Уголовно правовая охрана чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: дисс. ... канд. юрид. наук / С.С. Киселев. – Омск, 2013. – 210 с.

45. Кузьмин, А.В. Уголовно правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов: дисс. ... канд. юрид. наук / А.В. Кузьмин. – Краснодар, 2016. – 198 с.

46. Ларин, В.Ю. Историческое развитие уголовно правовых норм об ответственности за оскорбление представителя власти (XI – середина XVIII вв.) / В.Ю. Ларин // АВБсП. – 2016. – № 3. – С. 45–48.

47. Мевлуд, Д.Д. «Представитель власти» и «должностное лицо»: вопросы соотношения понятий / Д.Д. Мевлуд // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 1. – С. 71–74.

48. Мусина, Р.Р. Составы преступлений с альтернативными признаками объективной стороны в истории уголовного законодательства советской и постсоветской России / Р.Р. Мусина // Актуальные проблемы экономики и права. – 2008. – № 2 (6). – С. 144–147.

49. Омельченко, Д.В. Уголовно правовая характеристика оскорбления представителя власти: историко-правовой и сравнительно правовой аспекты / Д.В. Омельченко // Молодой учёный. – 2018. – № 19 (205). – С. 305–312.

50. Пантюхина, И.В. Место преступлений против чести и достоинства личности в системе уголовного законодательства Российской Федерации / И.В. Пантюхина // Актуальные проблемы современного права и политики: межрегиональный сборник научных трудов. – 2006. – С. 211–215.

51. Петин, И.А. Методология установления субъективной стороны преступления / И.А. Петин // Межотраслевые аспекты и методология уголовного права: материалы II Международной научно-практической конферен-

ции, посвящённой памяти профессора М. И. Ковалёва. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2006. – С. 64–74.

52. Проценко, С.В. О субъективной стороне и субъекте преступления как элементах состава преступления / С.В. Проценко // Российский следователь. – 2016. – № 14. – С. 18–23.

53. Сафронов, А.Д. Защита сотрудников органов внутренних дел при выполнении ими должностных обязанностей по УК РФ / А.Д. Сафронов // Государство и право. – 2017. – № 2. – С. 31.

54. Смоляков, Е.В. Уголовно правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти: дисс. ... канд. юрид. наук / Е.В. Смоляков. – Краснодар, 2015. – 215 с.

55. Сотникова, В.В. Оскорбление представителя власти: проблемы уголовной ответственности / В.В. Сотникова, Г. А. Тедеев // Военное право. – 2018. – № 2 (48). – С. 207–211.

56. Спиридонова, О.Е. Форменная одежда как символ власти в уголовном праве / О.Е. Спиридонова // Дифференциация ответственности и проблемы юридической техники в уголовном праве и процессе. – Ярославль, 2002. – С. 214.

57. Сулайманов, М.Х. Уголовно правовая борьба с преступлениями, посягающими на деятельность представителей власти и общественности по охране общественного порядка: дисс. ... канд. юрид. наук / М.Х. Сулайманов. – Ташкент, 1984. – 198 с.

58. Супрун, С.В. Органы полиции Росгвардии в персональном виде подследственности Следственного комитета Российской Федерации / С.В. Супрун // Российский следователь. – 2024. – № 6. – С. 34–39.

59. Таможник, Е.Л. Преступления против законной деятельности представителей власти: уголовно правовой и криминологический аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук / Е.Л. Таможник. – Тамбов, 2006. – 206 с.

60. Феркалюк, Ю.И. Представитель власти как субъект должностных преступлений / Ю.И. Феркалюк // Российский следователь. – 2009. – № 12. – С. 28–32.

61. Филиппов, П.А. О необходимости декриминализации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) / П.А. Филиппов // БГЖ. – 2017. – № 3 (20). – С. 365–371.

62. Хун, А.З. Объект уголовно правовых отношений: теоретический и правоприменительный аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук / А.З. Хун. – Краснодар, 2004. – 242 с.

63. Юматов, С.В. Квалификация преступлений как основание формирования общих версий / С.В. Юматов // Приволжский научный вестник. – 2014. – № 3-2 (31). – С. 25–29.

Интернет-ресурсы

64. Статистические данные МВД России. URL: <http://www.mvd.ru/stats> (дата обращения: 20.02.2026).

65. Судебные приставы взыскали уголовный штраф за оскорбление представителя власти. URL: <https://r63.fssp.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

Эмпирические материалы

66. Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 02.03.2022 по делу № 55-88/2022 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

67. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.07.2022 по делу № 7У-6361/2022 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

68. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21.08.2024 № 77-1247/2024 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

69. Кассационное постановление Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 17.04.2025 по делу № 77-962/2025 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

70. Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 02.03.2022 по делу № 55-88/2022 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

71. Приговор Кемеровского областного суда от 18.11.2021 по делу № 2-7/2021 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

72. Приговор Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга от 26.07.2021 по делу № 1-425/2021 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

73. Приговор Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 06.07.2021 по делу № 1-621/2021 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

74. Приговор Радужнинского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 28.05.2020 по делу № 1-17/2020 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

75. Приговор Калачинского городского суда (Омская область) от 13 августа 2025 г. по делу № 1-82/2025 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.02.2026).